

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-71-100-111>

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2024 г. Е.А. Андрущенко
г. Москва, Россия

ПОДПИСЬ КАК ЭЛЕМЕНТ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ ЧИТАТЕЛЯ «НОВОГО ВРЕМЕНИ»

Исследование выполнено в Институте мировой литературы
им. А. М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда
(РНФ, проект № 20-18-00003-П, <https://rscf.ru/project/20-18-00003/>)

Аннотация: Подписи читателей газеты «Новое время» в письмах А.С. Суворину в 1904–1905 гг. рассматриваются как элемент самопрезентации. В мирное время читатели представляли себя как постоянные читатели и подписчики, что давало им возможность претендовать на особое внимание адресата к их мнению. Русско-японская война оказала влияние на самопрезентацию читателей, представлявших себя как часть социальной страты, имеющей отношение к событиям на фронте: жена моряка, мать артиллерийского офицера и пр. Читатели, выступавшие против забастовок в 1905 г., отождествляли себя с социальным слоем, считавшим необоснованными требования студентов (крестьяне), или с частью того же слоя, но возражавшей против восстаний (мать студента, студент-юрист, профессор). Соотнесение почерка, тематики письма и подписи свидетельствует об использовании адресантом маски, что инспирировано специфической практикой Суворина, описываемой как модель игры, позволявшей адресанту повышать свой статус и значимость. Читатели выступали от имени той части общества, которую в них хотела видеть редакция. Тема их письма задавалась повесткой газеты, а между темой и подписью, подписью и подтверждающей ее темой устанавливалась неразрывная связь. Адресант имитировал жанр газетной публицистики и возможную реакцию представителя того или иного слоя, от имени которого выступал, но которым не являлся. Сформированное таким образом «общественное мнение» газета могла использовать в диалоге с властью, которой было сложно с ним не считаться.

Ключевые слова: А.С. Суворин, «Новое время», адресат, подпись адресанта, самопрезентация, «наивная» публицистика, игра.

Информация об авторе: Елена Анатольевна Андрущенко — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8260-4961>

E-mail: Andrushenko2013@gmail.com

Дата поступления статьи: 07.09.2023

Дата одобрения рецензентами: 11.09.2023

Дата публикации: 25.03.2024

Для цитирования: Андрущенко Е.А. Подпись как элемент самопрезентации читателя «Нового времени» // Вестник славянских культур. 2024. Т. 71. С. 100–111. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-71-100-111>

Облик газеты «Новое время» — одной из наиболее популярных русских газет конца XIX – начала XX вв. — во многом определил А.С. Суворин, хоть и не участвовавший в подготовке каждого выпуска, но заложивший основные принципы издания, экспериментировавший с темами, формами, жанрами, рубриками, именами авторов до тех пор, пока «Новое время» не стало площадкой для усреднения общественных настроений, консервации противоречий, канализации проблем: исследователи уже писали об этом [11; 4, с. 89–95; 3]. Между тем, как справедливо заметил Н.А. Богомолов, Суворин «остаётся закрыт для исследователей. Прежде всего это связано с оценкой его деятельности. Эволюция от либерального журналиста к консервативному издателю и публицисту одним представляется изменой, другим же — возвращением на единственно достойный для русского патриота путь. Кроме того, отдельные аспекты его деятельности изучены и мало, и плохо: мы лишь отрывочно понимаем механизм деятельности “Нового времени” и ее руководителей; более или менее представляем себе только отношения Суворина с В.В. Розановым, тогда как с остальными главными сотрудниками газеты <...> — нет» [14, с. 17]. Решение этих задач только предстоит, но некоторые из них естественно вытекают из уже сделанного учеными. Это касается, прежде всего, изучения читателя «Нового времени». Разумеется, оно невозможно без статистической стороны дела, затрудненной по объективным причинам, хотя некоторые данные уже собраны и осмыслены [11]. Но в распоряжении исследователей находится архив Суворина, в котором отложилось 165 листов писем читателей в редакцию, более 1500 листов писем самому главному редактору, по 7 листов — В.П. Буренину и М.О. Меньшикову. Они охватывают период в более 30 лет — с 1870 г. до середины 1910 гг. — и дают возможность сделать такие выводы о «Новом времени», к которым нельзя прийти иным способом.

Вскоре после смерти Суворина постоянный автор газеты В.В. Розанов издал свои воспоминания о нем и опубликовал его письма. Размышляя о феномене популярности «Нового времени», он заметил: «...несколько, 5–6, строк в “Новом Времени” играют больше роли, чем столбцы в других газетах. Чем же это достигнуто? Отнюдь не числом подписчиков, так как есть более распространенные, нежели “Новое Время”, газеты: но вот 35 лет уже, как “Новое Время” сделало своими читателями *все видное в России, в каком бы отношении оно ни было “видно”*; все в ней *сильное*, все в ней *влиятельное*, все в ней *образованное* и реально идущее вперед, все в ней что-нибудь *задумывающее, предпринимающее и решающее*. Этого “подписчика”, раз им сделался человек 35 лет назад тому, решительно неоткуда еще достать другим газетам, и просто потому, что он “уже читает *Новое Время*”» [13, с. 42]. Разумеется, эта оценка во многом обусловлена симпатией Розанова к Суворину, многолетней близостью к нему. Но главное в ней, как представляется, — это мысль об авторитетности «Нового времени», но авторитетности особого рода. «Газета обладала странным даром сообщать достоверность недо-

стоверному, вовсе не принося клятв; — писали И. Соловьева и В. Шитова, — напротив, журналисты, как правило, завершали материал, выразив долю сомнения. Достоверность обеспечивалась тиражом распространения недостоверного — во-первых, стертостью, привычностью, безличностью слога — во-вторых <...> Газета, изначально воспитывавшая здравомыслие, совершала тихую ежедневную подмену: здравому смыслу не давали ни в чем разобраться, приучали не к доказательности, а к авторитетности напечатанного: напечатано — значит, так» [12, с. 97].

Как свидетельствует наш анализ, постоянные подписчики и читатели стремились изложить свое мнение именно редактору, которого они также знали как автора «Маленьких писем» и воспринимали как фигуру влиятельную, авторитетную. Исследователи полагают, что, «затеявая новую газету, Суворин уже думал о том далеком читателе, который когда-нибудь развернет юбилейный номер “Нового времени”, и вымечтал себе его — воспитанную им, Сувориным, гармоническую личность» [12, с. 37]. Этот самый читатель и направлял ему свои отклики, предложения, требования, воззвания, в целом представляющие собой произведения «народной (наивной) публицистики» [9, с. 3], иногда рассчитанные на публикацию в газете. Нередко редакция специально стимулировала отклики читателей, ставя вопросы, ответы на которые и приходили в газету. И если тема писем читателей, как правило, была инспирирована газетой, то форма их самопрезентации зависела от иных факторов, сказавшихся на особенностях их подписи.

Специфика подписи в письме частного лица уже была предметом научного осмысления. Главное внимание в работах исследователей уделяется подписям писателей, поэтов, т. е. адресантов, занимающих видное место в истории нашей культуры [1, с. 74–78; 5, с. 68–75; 6, с. 144–150; 7, с. 88–99]. Когда же речь идет о письмах частных лиц, ученые обращают внимание на поэтику жанра «письмо в газету» [8, с. 158–182]; на соотношение жанров естественного и художественного дискурсов [10, с. 51–61] и пр. Нам же представляется плодотворным рассмотреть письма читателей «Нового времени» именно в аспекте подписей потому, что это решает двуединую задачу: дает некоторое представление о подписчиках и читателях «Нового времени», но главное — о формируемой этой газетой повестке и ее сознательной установке на работу с различными множествами. Они, собственно, и ретранслировали редактору то, что печаталось в «Новом времени», но пропущенное через собственное, порой примитивное восприятие, опирающееся на личный опыт, на вкусы, привычки, понятия, присущие их социальной и культурной среде. Суворинская газета предлагала своему читателю «готовые речевые блоки» [12, с. 95]; создавала иллюзию принадлежности к определенной общности [12, с. 63] со свойственным ей презрением к духовности, к образованности, к интеллекту [12, с. 97] и сформировала своего рода систему «сигналов» — «острых, немногочисленных, повторяющихся» [12, с. 48], по которым читатель опознавал своих и чужих. В значительной мере эти установки редакции срабатывали и отзывались в теме письма и в подписи под письмом.

В центре нашего внимания находятся письма 1904–1905 гг., что дает возможность видеть реакции читателей в острейшие моменты общественной жизни, освещавшиеся газетой: Русско-японская война, а затем первая русская революция. Понятно, что в экстремальной ситуации такие реакции проявляются несколько иначе, чем в обычном течении жизни. Тем более важно проследить, как значимые для социума события преломляются в сознании читателя и как он определяет свою позицию по отношению к ним. Еще в начале века читатель «Нового времени» обращался к редактору с пред-

ложениями по улучшению международного положения и обсуждал публикации газеты. Например, августовские номера «Нового времени» 1900 г., наполненные публикациями о «боксерском мятеже» и о взятии Маньчжурии с фотографиями из Китая, получают отклик в письмах о запрете на ввоз опиума в Китай и о разделе китайской империи (Письма читателей Суворину А.С. с отзывами о статьях, помещенных на страницах газеты «Новое время», откликами на международные и внутренние события и др. Часть II. На немецком и русском языках. Часть писем в отрывках 11 августа 1900 – 31 декабря 1904. 168 л. // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 2. Ед. хр. 673. Лл. 1–3). Публикации о положении дел в Финляндии или статья В. Л. Величко «К столетию присоединения Грузии» (1901) вызывают к жизни письма свидетелей и очевидцев, обсуждающих приведенные авторами соображения (там же, лл. 6–7, 12–13). Читатели откликаются на материалы о загробной жизни, о бюрократии, о старообрядцах и т. п. Все письма содержат подписи, маркирующие отношения читателя и редактора: «пока вам неизвестный» (там же, л. 2 об.), «Ваша неизменная почитательница» (там же, л. 5), «исконный подписчик» (там же, л. 9), «подписчик и постоянный читатель Нового Времени» (там же, л. 13). Доля претензии и кокетства очевидна в подписях «Звездочка» (там же, л. 15), «имя мое: много нас» (там же, л. 18 об.), «Слово из куста тернового»: в последнем случае библейская аллюзия очевидно повышала статус писем, посвященных славянскому и еврейскому вопросу (там же, л. 24 об., 26 об.). Только коллективное письмо об угрозе причислить старообрядцев к вредным сектам содержит подписи авторов, в которых можно разобрать имя и фамилию.

Начало Русско-японской войны резко сменило тематику и интонацию писем в редакцию, но направленность читательской реакции поначалу обусловил сам Суворин, написавший в январе 1904 г., что противник имеет гораздо более мощный флот, чем Россия. С февраля 1904 г. адресанты начинают посылать в редакцию деньги на укрепление русского флота. «Да..! — писала «Патриотка» 5 февраля 1904 г., — я уверена, что всякий бедняк отдаст свою копейку на защиту родины...» (там же, л. 29). «Посылаю при сем свою посильную копейку, 25 рублей на усиление русского флота, — писал подписчик под именем «Капитан». <...> мои домашние собрали для этой же цели 8 р. 50 коп., которые прилагаю» (там же, л. 28, 28 об.). В письме от 6 февраля 1904 г. автор, подписавшийся «Шквал», заявил тему, как в деловой переписке: «По вопросу о сборе денег для военных судов», а затем рассуждал о том, чтобы деньги пошли «на дело, а не на фантастическую затею» (там же, л. 31). Более определенная самопрезентация очевидна в письме, подписанном «Ваш подписчик В. Ф. С.». Автора беспокоило «огромное преимущество портянок перед чулками» и правильность использования собранных средств: «лица жертвующие и покупающие за пожертвованные деньги не впадали бы в ошибки и не давали бы солдату неудобных и дорогих вещей» (там же, л. 36 об.). В ответ на массовые пожертвования, центром которых стала редакция «Нового времени», газета печатала отчеты о полученных средствах и об их расходовании.

Тревога о состоянии дел на фронте, ощущаемая в публикациях «Нового времени», передавалась и читателям, заставляла их беспокоиться об обмундировании, об обеспечении войск всем необходимым, о вооружении, об устойчивости флота, будила их инициативу, рационализаторскую мысль, стремление быть полезными сражающейся армии. Читатель «Л.Н.П.» 19 марта 1904 г. высказывал беспокойство отсутствием у русских войск пушек Гочкиса (там же, л. 38 об.); «Жена моряка» из Кронштадта 6 апреля 1904 г. писала о неготовности эскадры, которую намерены послать на театр военных действий (на письме стоит пометка «Весьма нужное») (там же, л. 47);

читатель, оставивший неразборчивую подпись, рекомендовал использовать электричество как средство борьбы с минами (там же, лл. 49–49 об.), а подписавшийся полной фамилией и инициалами «Немиряк Н. К.» — создавать для броненосцев упругую броню (лл. 75–78 об.). Но чаще всего читатели направляли главному редактору письма, имитирующие форму и стиль публицистических материалов, печатавшихся в газете. «Наша дорогая родина переживает тяжелый, исторически тяжелый период своего бытия. Вероломная Япония, с одной стороны, в войне, двуличие “друзей-держав” в нейтралитете, с другой, создали России то положение, которое можно приурочить к известной поговорке о Макаре, на голову которого “все шишки валятся”», — писал «Благодарный поклонник ваших “Маленьких писем” в “Новом Времени”» (там же, л. 74). «В настоящее тяжелое время, — начинал свое письмо «Русский», — после пережитых и выстраданных семи месяцев войны, вопрос о главнокомандующем захватывает всех русских людей» (там же, л. 87). «В нашей жизни — не все благополучно. Самозванные радетели русского народа предают его и вся наша пресса, за малым исключением, способствует только затемнению сознания русского общества, забывая справедливое выражение Козьмы Пруtkова, что человеческая голова подобна желудку: одна переваривает входящую в нее пищу, а другая от нее засоряется», — писал «Ваш подписчик» (там же, л. 118). В письме без подписи говорилось: «В настоящее время, когда Россия так нуждается в средствах для ведения войны, когда для изыскания этих средств надо думать о сокращении всех прочих расходов до сокращения штатов чиновников включительно, находятся такие Управляющие палат, которые ходатайствуют об увеличении таких штатов, между тем, как дела им вовсе не прибавилось» (там же, лл. 144–144 об.). «Не трусь, матушка Русь!» — завершал свое письмо «Кровный русак», предлагавший редактору подробный анализ международной обстановки и внутренней политики (там же, л. 106 об.).

Авторы писем в «Новое время» имитировали слог, форму и даже интонацию нововременских публикаций, но, как правило, быстро сбивались на разговорную речь. Слог публикаций, например, Эль-Эс [Л.З. Соловьева], — «Теперь, в эти решительные дни, когда на очередь поставлен такой огромной важности вопрос: быть миру или войне, было бы немаловажно прислушаться к голосам из армии по этому жгучему вопросу. Что в самом деле думают об этом в армии?» [16, с. 2] — отзывался в письмах подписчиков: «В то время, как наши сыновья, мужья и братья терпят всякие лишения и отстаивают свою грудь каждую пядь земли в далекой Маньчжурии, г. студенты, на которых лежит священный долг облегчить страдание раненых братьев, заняты решением политических вопросов», — писала «Русская женщина» в начале своего письма и завершала: «...не крадите у народа добытого потом гроша, так как вы не можете его вознаградить вашим трудом» (Письма читателей Суворину А.С. с отзывами о статьях, помещенных на страницах газеты «Новое время», откликами на международные и внутренние события и др. Часть II. На немецком и русском языках. Часть писем в отрывках 11 августа 1900 – 31 декабря 1904. 168 л. // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 2. Ед. хр. 673. Лл. 141, 142 об.). Суворину писали также «Одна из старинных Ваших подписчиц» (там же, л. 107), «Уважающий Вас, один из Ваших подписчиков» (там же, л. 123 об.), «Одна из подписчиц» (там же, л. 125 об.), «Удрученная скорбью одна из миллионов русских женщин» (там же, л. 56), «Русский» (там же, л. 61 об.), «Мужичок в России бесправный» (там же, л. 109 об.).

Во время забастовок 1905 г. читатели «Нового времени» разделили негодование своей газеты по поводу беспорядков. В их подписях маркируется социальная и профес-

сиональная принадлежность противников забастовок: «Мать студента», «Крестьянин», «Темный Люд», «Студент-юрист университета», «Профессор», «Волостной старшина», «Будущий педагог». Тематика писем в редакцию сводится к упрекам в адрес бастующих, нарушающих установленный порядок и живущих на чужой счет: «...забастовавшие 39 доцентов отказались ли при этом от получения жалования до 1 сентября? — писал «Старый подписчик». — Если они отказались от содержания, то достаточно ли “красивы и умны” были их речи по этому шкурному вопросу?» (Письма читателей Суворину А.С. с отзывами о статьях, помещенных на страницах газеты «Новое время», откликами на международные и внутренние события и др. Часть IV. Часть писем в отрывках, январь 1905 – 13 января 1908; 1900-е. 195 л. // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 2. Ед. хр. 674. Л. 17). Крестьянин АС в сердцах писал о несправедливости забастовок: «... забастовали рабочие, забастовали профессора и студенты. Одни не хотят учить, другие не хотят учиться, несправедливо это, подавая этим дурной пример народу, не правы студенты, но более не правы бастующие профессора, получая содержание, с каким трудом собранное с полунищего народа, который живет и трудится только для других, но ничего для себя, чтобы дать образование» (там же, лл. 19–19 об.). «Будущий педагог» предложил редактору «Нового времени» искать причины беспорядков в современном состоянии умов: «Что бы ни случилось, во всех наших бедах, неудачах, неурядицах русские люди винят первым долгом свое правительство, будто наше правительство состоит не из тех же русских людей, <...> Большинство наших министров, директоров департаментов и т. д. учились в университетах и других высших учебных заведениях, и я уверен, что многие из них в свое время увлекались передовыми идеями и учениями и даже, может быть, в пылу юности ходили по Невскому с красными флагами и кричали: “долой правительство”, “долой то и се”, но вот прошла юность, они окончили университет, скинули студенческий мундир и облеклись в мундиры разных ведомств <...> Красными флагами они не помогли России, не спасли ее, но зато пропустили золотое время, какое им было дано для учения, образования и воспитания» (там же, лл. 34–34 об.). Причины волнений он видел в том, что «наша молодежь не принимает никаких гражданских обязанностей по отношению к нашему государству и всячески вредит» (там же, л. 34 об.).

Сами авторы писем зачастую сознавали неловкость положения, при котором они не ставят своей подписи, прибегая к использованию псевдонимов или криптонимов, и стремились оправдаться перед Сувориным: «По понятным причинам не подписываю своего имени, тем более, что пишу эти строки, как уже сказал, не для печати», — уточнял в письме из Джибути от 30 ноября 1904 г. «один из плывущих на восток» (Письма читателей Суворину А.С. с отзывами о статьях, помещенных на страницах газеты «Новое время», откликами на международные и внутренние события и др. Часть II. На немецком и русском языках. Часть писем в отрывках 11 августа 1900 – 31 декабря 1904. 168 л. // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 2. Ед. хр. 673. Л. 135 об.). Другой адресант объяснял: «этот псевдоним я употребляю только потому, что он больше скажет, чем моя фамилия, для Вас совершенно неизвестная» (там же, л. 140 об.). Третий хотел установить с Сувориным тайную связь: «Если бы Вас заинтересовала моя личность, то не старайтесь найти, это будет для меня вредно, а я, читая Ваши статьи, буду сам писать Вам, и если бы надо было, то Вы под Вашей статьей прикажите написать многоточие, а я буду знать, что Вы читаете мои письма» (там же, л. 104 об.).

Однако новости о заключении «позорного мира» существенно изменили форму самопрезентации — под письмами, нередко коллективными, ставились фамилии

и имена: «Василий Иванович Машихин», «Крестьяне: Вл. Зверев, И.М. Соловьевы, А. Балабанов, Шашкины и пр. С. Стариково Рязанской губ.», «Иванов. Крестьянин Псковской губ.», «Афанасий Михайлов, крестьянин Калужской губ. Село Сукиничи», «Крестьяне Волынской губ. Иван Шоцкий, Филипп Саквук, Тимофей Ничипорук. Село Подгорное, Волынской губ. Владимирского уезда», «Русский крестьянин Павел Алексеев», «Николай Катасонов; Иван Воробьев жандарм, Иван Петров Копчин урядник, дворянин Нил Сергеевич Киндауров, Лаврентьев Михаил Корнеевич, Даниил Петренко, Николай Румянцев, Андрей Никитич Фисунов», «Крестьянин А. Сомов». Отказываясь принимать мысль о возможном заключении мира, читатели «Нового времени» в унисон с газетой поднимали свой голос за победу, а не за договор о прекращении войны. Думается, эти изменения в формах самопрезентации свидетельствуют не о рождении в народной среде гражданского самосознания, а о мобилизации, проведенной «Новым временем» среди своих читателей путем публикации материалов, дискредитирующих идею заключения мира.

Немаловажную роль в этом сыграли «Маленькие письма» Суворина. «Решается вопрос такой важности, — писал он в одном из них, — какого, может быть, еще не было в новой русской истории. <...> Если Россия потеряет Дальний Восток, она потеряет богатейшие страны для своего будущего. Кто говорит, что Россия должна ограничиться внутренним устройством и оставить всякое попечение об Азии, отказаться от миллиардов, употребленных на творчество в этой Азии — творчество это было — и на войну, тот признает полное бессилие России, полную бездарность ее народа не только для того, чтоб колонизировать и устраивать приобретенные страны, но и для того, чтоб их сохранить. Условия мира, предъявленные Японией, да еще в виде “требований”, несомненно условия страшные» [15, с. 2]. Риторические формулы его публикаций, постепенно превратившиеся в штампы, своеобразно отзывались в письмах читателей, нередко дословно передававших слова Суворина как свои: «Рука не может написать тех чувств, которые волнуют сердце, того негодования, которое кипит в груди. В эту трудную минуту исторической жизни России, когда сердце переполнено жгучею болью за великую родину, позвольте высказаться и нам, крестьянам, несущим на своих плечах как славу своей родины, так и позор ее» (Письма читателей Суворину А.С. с отзывами о статьях, помещенных на страницах газеты «Новое время», откликами на международные и внутренние события и др. Часть IV. Часть писем в отрывках, январь 1905 – 13 января 1908; 1900-е. 195 л. // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 2. Ед. хр. 674. Л. 40), «наши сердца полны негодования против всех тех, кто кричит о мире» (там же, л. 163), «всевозможные недосмотры наши, из-за которых так много копий ломает теперь наша печать, заставляет живее относиться к злободневным вопросам и, проснувшись от многолетней спячки, принимать активное участие в общем деле» (там же, л. 37). Ориентируясь на известные им образцы публицистики, читатели имитировали жанровую форму, стиль, порой даже тон газетных публикаций. Поскольку материалов для широких обобщений у обычного читателя не было, он использовал доступную ему образность и попытки анализа: «И в самом деле — много шума, крика, море стоны поднялось на Руси... Одни рады концу ужасного Дантовского ада, — падению П<орт>-Артура, — говорят: словно пелена с глаз свалилась, дышать стало легче, теперь время лечить всякие раны, ампутировать негодные члены и вновь возродиться, окрепнуть, возвыситься!.. Другие ожесточенно твердят: воевать, воевать, чтобы не быть в унижении перед собою, народом и светом. Вторые голоса раздаются из теплых, большей частью обширных барских хором, они во всю ширь своего органа рычат, кричат — и своды вторят им густым эхо» (там же, лл. 152–152 об.).

Самопрезентация читателей «Нового времени», рассмотренная на большом массиве писем, дает возможность сделать некоторые выводы. Читатели «Нового времени» выступали в той социальной роли и от имени той части общества, которую в них хотела видеть редакция газеты. Скрывая свою подлинную личность и сочиняя псевдоним, они представлялись выразителем мнения какой-то социальной, профессиональной или культурной группы. Тема их письма была задана повесткой, развиваемой газетой, так что устанавливалась неразрывная связь между темой и подписью и, в свою очередь, подписью и подтверждающей ее темой. Соотнесение почерка, которым написано письмо, его тематики и подписи позволяет предположить использование адресантом маски. Он не только имитировал жанр публицистических материалов, но и возможную реакцию представителя того или иного слоя, от имени которого выступал, но которым не являлся. Ничем иным невозможно объяснить благодарность за призывы к совести и добросовестному исполнению своих обязанностей от имени чиновницы, подписавшейся «имя мое: много нас», или призывы к продолжению войны от имени «полуграмотного крестьянина — железнодорожного служащего» в письме, написанном уверенной рукой по всем правилам русской грамматики. Вместе с тем в массе корреспонденции есть несколько писем, где уровень освещения темы, грамотность и подпись находятся в полном соответствии друг с другом и противоречат заданным темам и ожидаемым реакциям. Речь идет, например, о полуграмотном письме адресанта, назвавшего себя «босьяком одесского порта», привыкшего, что его и его товарищей называли «портовыми чернорабочими», но под влиянием столичных беспорядков стали звать «хулиганями». Автор письма подписался «составителем Черновым» и приписал к письму имена своих товарищей (там же, лл. 69–70). Еще одно письмо, написанное «Русским мужиком» не только в соответствии с подписью, но и темой, почерком, уровнем грамотности и синтаксиса, посвящено его впечатлениям от газетных публикаций, в которых он увидел тревожащие мысли о реформах и сомнения в необходимости самодержавия (там же, лл. 2 об. – 4 об.). Подлинность таким письмам придают очевидные затруднения при формулировании мысли, отсутствие знаков препинания, неуверенный почерк, а также множественность тем, затрагиваемых порой без связи одной с другой. В письмах читателей, тематически связанных с публикациями «Нового времени», заданная проблемная рамка, в сущности, не раздвигается, и это не позволяет авторам рассуждать на темы, далекие от основной темы письма, в частности выдвигать антисемитские обвинения или высказывать неприязнь к интеллигенции, что присуще письмам, не обусловленным конкретной повесткой.

Как представляется, специфика подписей читателей «Нового времени» определяется установкой Суворина на использование практики, описываемой специалистами как «модель игры, которая предлагается партнеру по игре (потребителю) с тем, чтобы он мог выиграть. То есть увеличить свой культурный, психологический и социальный капитал. Чаще всего партнером по игре с художником является не конкретный потребитель, а референтная группа, которая в зависимости от реальных или предполагаемых результатов игры объявляет художника своим героем, кумиром, культуртрегером, мастером, ремесленником, неудачником и т. д.» [2, с. 13]. В нашем случае каждый, кто обращался к Суворину под псевдонимом, обозначал свою роль в созданном редактором и издателем газеты множестве, что повышало его статус и значимость. Поддерживая направление газеты, используемые ею практики, он, вместе с тем, укреплял авторитетность самого «Нового времени», которое, по меткому выражению Розанова, «сделало своими читателями все видное в России, в каком бы отношении оно ни было “видно”»

[13, с. 42]. Это «в каком бы отношении» точно выражает суть стратегии Суворина. Хорошо, по-видимому, понимая психологию того большинства, к которому он обращался и которое собирал вокруг газеты, он переводил сложные геополитические и внутривластные проблемы на простой и понятный язык, стиравший нюансы, тонкости, многозначности, укрупнял одни события и снижал ценность и важность других. К тому же он не гнушался печатать провокационные и скандальные материалы, обостряющие противоречия между разными группами общества, называть внешних и внутренних врагов, внушать подозрительность. Так в самопрезентации читателей «Нового времени» можно увидеть отражение картины мира, прежде всего, создателя и главного редактора этой газеты. Вместе с тем сформированные таким образом суждения читателей были весомым аргументом для постоянного диалога редакции газеты с властью, ведь Суворин всегда мог опубликовать (и публиковал) отдельные письма в редакцию и сослаться на «общественное мнение», не считаться с которым было сложно.

Список литературы

Исследования

- 1 *Алешина Л.В.* Подпись как основной структурный компонент концовки в частных письмах Н.С. Лескова // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: «Гуманитарные и социальные науки». 2015. № 3. С. 74–78.
- 2 *Берг М.* Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 298 с.
- 3 *Динерштейн Е.А.* А.С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. 375 с.
- 4 *Жирков Г.В.* Журналистика России: от золотого века до трагедии. 1900–1918 гг.: монография. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2014. 382 с.
- 5 *Калёнова Н.А.* Основные параметры частного письма как речевого произведения (на примере эпистолярного письма С.А. Есенина) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 10 (95). С. 68–75.
- 6 *Курьянович А.В.* Когнитивная сущность речевого жанра самопрезентации в эпистолярном дискурсе М.И. Цветаевой // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 5. С. 44–150.
- 7 *Курьянович А.В.* Функционально-прагматические и типологические характеристики слова в эпистолярных текстах (на примере писем М.И. Цветаевой) // Коммуникативно-прагматические аспекты слова в художественном тексте / под ред. проф. Н.С. Болотновой. Томск: Изд-во Центр научно-технической информации, 2000. С. 88–99.
- 8 *Никишина Е.А.* Жанр «письмо в газету» в 20-е гг. XX века... в советской России и в эмиграции (на материале писем-просьб) // Русский язык в научном освещении. 2013. № 1 (25). С. 158–182.
- 9 *Прохоров Е.П.* Эпистолярная публицистика: учеб.-методическое пособие. М.: Изд-во Московского ун-та, 1966. 60 с.
- 10 *Рабенко Т.Г., Лебедева Н.Б.* К соотношению жанров естественного и художественного дискурсов: постановка проблемы (на примере жанра «Письмо в редакцию») // Вестник Томского государственного университета. Серия: «Филология». 2016. № 1 (39). С. 51–61.
- 11 *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 448 с.

- 12 Соловьева И., Шитова В. А.С. Суворин: портрет на фоне газеты. М.: Изд-во Государственного центрального театрального музея им. А.А. Бахрушина; издательская группа «NAVONA», 2017. 125 с.

Источники

- 13 Письма А.С. Суворина к В.В. Розанову: С портр. умирающего А.С. Суворина (неизд. фототип.). СПб.: Тип. т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1913. 183 с.
- 14 Письма З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского к А.С. Суворину (1891–1911) / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Н.А. Богомолова // Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Т. 106. Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. Кн. I. 896 с.
- 15 Суворин А. Маленькие письма. DXCVII // Новое время. 1905. № 10568. 4 (17) августа. С. 2.
- 16 Эль-Эс. Голоса из армии о войне и мире // Новое время. 1905. № 10569. 5 (18) августа. С. 2.

***

© 2024. Elena A. Andrushchenko
Moscow, Russia

**THE SIGNATURE AS A SELF-PRESENTATION ELEMENT
OF THE READERS OF “NOVOYE VREMYA”**

Acknowledgements: This research was carried out at IWL RAS with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 20-18-00003-II, <https://rscf.ru/project/20-18-00003/>)

Abstract: The study examines the signatures of the “Novoye vremya” newspaper’s readers in their letters to A.S. Suvorin in 1904–1905 as an element of self-presentation. In peacetime they introduced themselves as regular readers and subscribers, thus claiming extra attention to their opinions from the addressee. The Russo-Japanese war had an impact on the self-presentation of readers, who introduced themselves as part of a social stratum related to events on the front line: sailor’s wife, artillery officer’s mother, etc. Readers who opposed the strikes of 1905 ascribed themselves to social groups that found the students’ demands unreasonable (peasant) or to the same social group, but objecting to the protests (student’s mother, law student, professor). Considering the handwriting together with the subject of the letter and the signature indicates the senders were using a mask. This was inspired by Suvorin’s distinctive practice described as a model of the game, which allowed the senders to elevate their status and significance. Readers spoke out on behalf of the part of society that the editor wished to see in them. The newspaper’s agenda determined the subjects of their letters, with a persistent connection established between the subject and the signature, the signature and the subject supporting it. The sender imitated the genre of newspaper articles and a possible reaction of the member of a particular social group that they spoke on behalf of without being one. The “public opinion” generated in this manner could be used by the newspaper in its dialogue with the authorities, which would have struggled to ignore it.

Keywords: A.S. Suvorin, “Novoye Vremya”, Addressee, Sender’s Signature, Self-presentation, “Naïve” Journalism, Game.

Information about the author: Elena A. Andrushchenko — DSc in Philology, Professor, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8260-4961>

E-mail: Andrushchenko2013@gmail.com

Received: September 7, 2023

Approved after reviewing: September 11, 2023

Date of publication: March 25, 2024

For citation: Andrushchenko, E.A. “The Signature as a Self-presentation Element of the Readers of ‘Novoye Vremya’.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 71, 2024, pp. 100–111. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-71-100-111>

References

- 1 Aleshina, L.V. “Podpis' kak osnovnoi strukturnyi komponent kontsovki v chastnykh pis'makh N.S. Leskova” [“The Signature as the Primary Structural Component of the Ending in N.S. Leskov’s Private Letters”]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Proceedings of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences], no. 3, 2015, pp. 74–78. (In Russ.)
- 2 Berg, M. *Literaturokratiia. Problema prisvoeniia i pereraspredeleniia vlasti v literature* [Literaturocracy. The Issue of the Acquisition and Redistribution of Power in Literature]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000. 298 p. (In Russ.)
- 3 Dinershtein, E.A. A.S. Suvorin. Chelovek, sdelayshii kar'eru [A.S. Suvorin. The Man Who Made a Career]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ., 1998. 375 p. (In Russ.)
- 4 Zhirkov, G.V. *Zhurnalistskaia Rossiia: ot zolotogo veka do tragedii. 1900–1918 gg.: monografiia* [Russian Journalism: from Golden Age to Tragedy. 1900–1918: Monograph]. Izhevsk, Institut komp'iuternykh issledovaniia Publ., 2014. 382 p. (In Russ.)
- 5 Kalenova, N.A. “Osnovnye parametry chastnogo pis'ma kak rechevogo proizvedeniia (na primere epistoliarii S.A. Esenina)” [“The Main Parameters of the Private Letter as a Speech Work (on the Basis of S.A. Yesenin’s Correspondence)”]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 10 (95), 2014, pp. 68–75. (In Russ.)
- 6 Kur'ianovich, A.V. “Kognitivnaia sushchnost' rechevogo zhanra samoprezentatsiia v epistoliarnom diskurse M.I. Tsvetaevoi” [“The Cognitive Essence of the Speech Genre of Self-Presentation in M.I. Tsvetaeva’s Epistolary Discourse”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 5, 2006, pp. 144–150. (In Russ.)
- 7 Kur'ianovich, A.V. “Funktsional'no-pragmaticheskie i tipologicheskie kharakteristiki slova v epistoliarnykh tekstakh (na primere pisem M.I. Tsvetaevoi)” [“Functional-Pragmatic and Typological Characteristics of the Word in Epistolary Texts (Basing on M.I. Tsvetaeva’s Letters)”]. *Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty slova v khudozhestvennom tekste*, ed. Prof. N.S. Bolotnova. Tomsk, Izdatel'stvo Tsentr nauchno-tekhnicheskoi informatsii Publ., 2000, pp. 88–99. (In Russ.)
- 8 Nikishina, E.A. “Zhanr ‘pis'mo v gazetu’ v 20-e gg. XX veka... v sovetskoii Rossii i v emigratsii (na materiale pisem-pros'b)” [“The ‘Letter to the Editor’ Genre in the

- 1920s... in Soviet Russia and in Emigration (on the Basis of Request Letters)"]. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, no. 1 (25), 2013, pp. 158–182. (In Russ.)
- 9 Prokhorov, E.P. *Epistoliarnaia publitsistika: ucheb.-metodicheskoe posobie* [*Epistolary Journalism: Teaching Aid*]. Moscow, Moscow University Press Publ., 1966. 60 p. (In Russ.)
- 10 Rabenko, T.G., Lebedeva N.B. “K sootnosheniiu zhanrov estestvennogo i khudozhestvennogo diskursov: postanovka problemy (na primere zhanra ‘Pis'mo v redaktsiiu’)” [“On the Relationship of the Genres of Natural and Artistic Discourse: Articulation of Issue (on the Basis of the ‘Letter to the Editor’ Genre)”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, Series: “Filologiya” [Philology], no. 1 (39), 2016, pp. 51–61. (In Russ.)
- 11 Reitblat, A.I. *Ot Bova k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoi sotsiologii russkoi literatury* [*From Bova to Balmont and Other Works on the Historical Sociology of Russian Literature*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009. 448 p. (In Russ.)
- 12 Solov'eva, I., Shitova, V. *A.S. Suvorin: portret na fone gazety* [*A.S. Suvorin: A Portrait Against a Newspaper Background*]. Moscow, A.A. Bakhrushin State Central Theatre Museum Publ.; izdatel'skaia gruppa “NAVONA” Publ., 2017. 125 p. (In Russ.)